

УДК 821.161.1-82 Ахматова

ВЛАДИМИР КАЗАРИН,

МАРИНА НОВИКОВА

(Симферополь)

**СТИХОТВОРЕНИЕ А.А. АХМАТОВОЙ
«ВИЖУ ВЫЦВЕТШИЙ ФЛАГ НАД ТАМОЖНЕЙ...»
(Опыты реального комментария)**

Ключові слова: поетичний образ, метод, реальне коментування, поетологічний аналіз.

I.

Все глядеть бы на смуглые главы

Херсонесского храма с крыльца <...>.

Стихотворение напечатано в февральской книжке журнала «Гиперборей» за 1913 год, а написано, скорее всего, в 1912 году. Авторская датировка «Осень 1913» в «Беге времени» [5, с. 71, 458] правильно указывает на сезон, когда стихотворение было написано, но никак не на год. Ведь именно к 1912 году (как можно судить по рукописям) относится большинство других стихотворений А.А. Ахматовой, напечатанных в той же книжке журнала [5, с. 456]. Да и наполненная уходящим летним зноем атмосфера стихотворения тоже заставляет связывать его замысел с осенью 1912-го года, а не с зимой 1913-го.

Большинство комментариев в собраниях сочинений А.А. Ахматовой к стихотворению «Вижу выцветший флаг над таможенной...» уклоняются от ответа на вопросы, почему у поэта купол Свято-Владимирского собора в Херсонесе назван «смуглым» и почему он обрел в ее стихах множественное число («главы») [1, т. 1, с. 744; 2, т. 1, с. 393-394].

Авторы примечаний, опираясь на автобиографические заметки А.А. Ахматовой, пытаются ответить только на один вопрос: где именно в Севастополе в детские годы поэт могла «глядеть» на Херсонесский собор «с крыльца». Например: «Речь идет о даче «Отрада» («Новый Херсонес») на берегу Стрелецкой бухты – «дача Тура», в трех верстах от Севастополя, где семья Горенко проводила каждое лето с 1896 по 1903 г.» [1, т. 1, с. 744-745]. Или: «На даче Тура («Отрада») под Севастополем Аня Горенко жила с родителями каждое лето в 1896-1903 гг.» [2, т. 2, с. 429; см. также 2, т. 1, с. 394].

Двухтомник 1990 года наряду с другими неточностями ошибочно отождествил время написания стихотворения с той детской порой, о которой вспоминает Анна Андреевна: «Написано на даче «Отрада» («Новый Херсонес») в трех верстах от Севастополя на берегу Стрелецкой бухты, где Ахматова проводила каждое лето с 7 до 14 лет» [3, т. 1, с. 376]. Получается, что стихотворение 1912 года написано в 1903 году четырнадцатилетней девочкой-подростком. Понятно, что на самом деле поэт мысленно обращается к своему прошлому, а не пребывает в нем, как пишет комментатор. Вспомним,

что стихотворение первоначально было опубликовано под названием «Возвращение» [1, т. 1, с. 744].

В очередной раз мы убеждаемся в том, что без тщательного изучения реалий времени и места (в данном случае – севастопольских) нельзя правильно прочесть даже автобиографические заметки писателя. Воистину, как она сама констатировала, «люди видят только то, что хотят видеть, и слышат только то, что хотят слышать» [2, т. 2, с. 243].

Вопреки распространенному мнению, А.А. Ахматова не жила на даче Н.И. Тура. Она сама об этом ясно скажет в одной из своих записей конца 1950-х – начала 1960-х годов: «**В окрестностях этой дачи** («Отрада», Стрелецкая бухта, Херсонес <...>) я получила прозвище «дикая девочка» <...> (выделено нами. – Авт.)» [1, т. 5, с. 215]. Правильно будет сказать, что А.А. Ахматова с родителями жила **на дачах Тура**.

Хорошо известное севастопольцам имя Н.И. Тура до 1905 года носило название «Отрада» [10, с. 905]. Хозяин имения был человеком предприимчивым. Он построил для отдыхающих на части своих земель дачный поселок, получивший название по имени владельца – Туровская слобода или Туровка (в 1923 году первоначально и в 1935-м окончательно слободка была переименована в честь матроса Г.Н. Вакуленчука, организатора восстания на броненосце «Потемкин») [10, с. 147, 905]. Вот там-то и снимала на лето домик на протяжении восьми лет семья Горенко. «На современной карте Севастополя нынешний проспект Гагарина, – пишет севастопольский краевед В.Н. Горелов, – примерно соответствует Туровскому шоссе, центральной улице этого поселка. Установить местоположение домика, в котором останавливались Аня и Инна Эразмовна Горенко, сейчас вряд ли возможно...» [7, с. 2]. Ясно одно, что домик располагался на возвышенной части Туровской слободы, откуда были хорошо видны и Херсонес, и Стрелецкая бухта, что и получило отражение в стихотворении А.А. Ахматовой и ее воспоминаниях.

После 1905 года имя «Отрада» было перестроено в духе времени (новой архитектуры ресторан, общественный сад, беседки, скамейки, открытые площадки и др.) и переименовано в «Новый Херсонес». А.А. Ахматова в той части города появилась снова только в 1907 году, поселившись по соседству на новом дачном месте – в грязелечебнице Шмидта, которая расположилась на берегу Песочной бухты [11, с. 47; 7, с. 2]. Она, несомненно, видела изменившие облик и название места своего детства, о чем говорят уже упоминавшиеся ее воспоминания: «Нет и дачи Тура («Отрада» **или «Новый Херсонес»**) – три версты от Севастополя, где с семи до тринадцати лет (правильно – «до четырнадцати». – Авт.) я жила каждое лето и заслужила прозвище «дикой девочки» <...> (выделено нами. – Авт.)» [1, т. 5, с. 693].

Вернемся после этих необходимых разъяснений к Херсонесскому храму.

Только двухтомник 2005 года справедливо указывает, что купол Свято-Владимирского собора в Херсонесе, построенного в 1861–1891 годах, был «незолоченым» [4, т. 2, с. 433]. Действительно, золоченым у собора был изначально только крест. Купол покрыли золотом уже во время восстановительных

работ 1998–2004 годов. В остальном этот комментарий тоже, к сожалению, является набор неточностей и ошибок: Свято-Владимирский собор строился не в 1862–1892 годах; у собора один купол, а не несколько; из Стрелецкой бухты этот купол не виден. Он, как мы уже отметили, виден с примыкающих к бухте возвышенностей, где располагалась снимаемая семьей Горенко дача.

Таким образом, актуальным остается вопрос: каким же был в конце XIX – начале XX веков купол Херсонесского храма?

Свято-Владимирский собор строился к 900-летию крещения в Херсонесе Св. Равноапостольного Великого князя Владимира. Именно поэтому автор проекта академик Д.И. Grimm выполнил крестово-купольный храм в византийском стиле, что помимо всего прочего предполагало (в соответствии с греческой православной традицией) отказ от золочения купола (см. три Софии – Константинопольскую, Киевскую и в Великом Новгороде). При этом купол собора и его двухъярусные кровли были покрыты не медью (что было традиционным), а цинковой черепицей [10, с. 165]. Цинк – достаточно легкий металл, поэтому первоначальное покрытие в декабре 1879 года сорвал ураган. После этого были произведены ремонтные работы, результатом которых стала замена части цинковой кровли (а именно карнизов) на свинец [8, с. 97-98]. С одной стороны, это утяжелило крышу, предохранив ее от сильных ветров, с другой, – сохранило цветовой колорит основного покрытия, так как свинец в окисленном состоянии визуалью почти не отличается от цинка. Цветовая гамма цинка – голубовато-серая, со временем имеющая тенденцию к потемнению. В результате цинково-свинцовые купол и двускатные двухъярусные крыши собора на дореволюционных фотографиях «имеют тяжелый сумрачный цвет» [7, с. 2].

Все это дало визуальное основание А.А. Ахматовой говорить о «смуглых главах» Херсонесского храма. Но почему она пишет о куполе собора во множественном числе?

Во-первых, это результат первоначального варианта комментируемого стиха. В.М. Жирмунский в издании стихов А.А. Ахматовой в «Библиотеке поэта» приводит раннюю редакцию интересующей нас строки: «Херсонесских церквей у крыльца» [5, с. 387]. Несомненно, имеются в виду руины многочисленных византийских базилик V–IX веков на территории Херсонеса, а также православные храмы новейшего времени – Свято-Владимирский собор, Храм семи херсонесских священномучеников, домовая церковь Настоятельского корпуса.

С молодых лет А.А. Ахматова относилась к Херсонесу по-особому. Для нее он – «главное место в мире» [6, с. 32]. «Самое сильное впечатление» подростковых лет – «древний Херсонес, около которого мы жили» [1, т. 5, с. 236]. Поэтому «непосредственно отсюда античность – эллинизм <...>» [1, т. 5, с. 215].

Вместе с тем наш поэт, в чем мы не раз убеждались, тяготеет к точности деталей своего стихотворного повествования. «Главы» Херсонесских церквей лишены золочения и, конечно, визуалью «смуглые», но они совсем не располагались «у крыльца» ее дачи, хотя и были хорошо видны оттуда. Расстояние до них составляло около двух километров.

Это побуждает А.А. Ахматову отказаться от ранней редакции стиха, заменив ее на нынешнюю: «Херсонесского храма с крыльца». Но при этом она оставляет в предыдущей строке во множественном числе «смуглые главы» удаленных из стихотворения церквей, тогда как у Херсонесского храма купол только один. Почему?

Визуально образ поэта (и это во-вторых) совершенно точен. Архитектурно Свято-Владимирский собор спроектирован таким образом, что издалека он выглядит как многоглавый храм: многочисленные, разной формы (круглые, угловые, квадратные) и одноцветные (в тот период!) части его покрытия (от купола до фрагментов крыши) смотрятся как отдельные «главы», которые, разрастаясь вширь, ниспадают тремя ярусами от вершины к основанию.

В заключении нашего этюда особо отметим, что эпитет «смуглые» в определении «глав» храма нуждается в дополнительном и более подробном комментировании. Конечно, в этом определении есть дань колориту, что мы уже отметили, рассказав о цинковой кровле собора. Колорит дает о себе знать в связи с этим эпитетом и в известных стихах о Пушкине 1911 года из цикла «В Царском Селе»:

Смуглый отрок бродил по аллеям <...>.
[1, т. 1, с. 77].

В 1913 и 1915 годах вне всякой колористической привязки А.А. Ахматова наделит «пушкинской» деталью свою музу: «А **смуглая** сидела на траве» («В то время я гостила на земле...» [1, т. 1, с. 147]), «И были **смуглые** ноги / Обрызганы крупной росой» («Муза ушла по дороге...» [1, т. 1, с. 247]).

В 1916 году этот эпитет снова появится в стихотворении А.А. Ахматовой о Бахчисарае и внешним образом вроде бы опять в колористической функции – передать особый оттенок лиц крымскотатарских женщин:

*<...> Осень **смуглая** в подоле
Красных листьев принесла <...>.*
[1, т. 1, с. 275].

Но с появлением все новых и новых примеров становится совершенно ясно, что значение эпитета «смуглый» не ограничивается колоритом. Об этом отчетливо говорит стихотворение «Седое утро» того же 1913 года А.А. Блока:

*Прощай, возьми еще колечко,
Оденешь рученьку свою
И **смуглое** свое сердечко
В серебряную чешую...*
[6, т. 3, с. 207].

Хотя речь у А.А. Ахматовой идет о татарке, а у А.А. Блока – о цыганке, одним только темным оттенком их кожи эпитет «смуглый» не объяснишь. Почему у

Анны Андреевны «смуглая» не просто женщина, а – муза или осень? При этом осень не какого-нибудь, а 1916 года! Почему у А.А. Блока цыганка, прощаясь с лирическим героем после ночи, полной ее страстных песен и его страстных объяснений, «хладно жмет» к его губам «свои серебряные кольца»? И не переключается ли как-то этот мотив «страстного холода» и безнадежного прощания с прощальными строками, адресованными «утешному» другу в бахчисарайском стихотворении А.А. Ахматовой?

Пока ясно одно. Стихи Анны Андреевны действительно накрепко спаяны между собой своей глубинной поэтикой: слова-образы – и строки, строки – и целые тексты, тексты – и циклы, циклы разного времени написания – и единые вопросы бытия, обращенные к их, этих стихов и циклов, героине и героям. Как именно отвечала А.А. Ахматова на эти вопросы, предстоит внимательно изучать снова и снова.

И, наконец, еще одна – сугубо личная и скорее интимно-психологическая – причина столь сильной привязанности Анны Андреевны к эпитету «смуглый». Как известно, А.А. Ахматова от рождения обладала необыкновенно белой кожей. Помимо свидетельств современников это подтверждается ее собственным признанием: в Херсонесе она «загорала до того, что сходила кожа» [1, т. 5, с. 215]. Именно у того типа людей, к которому принадлежала поэт, пребывание на солнце приводит не к загару, а к шелушению кожи.

Анна Андреевна по личному опыту знала, что белизна кожи является характерным признаком людей, болеющих туберкулезом. Летом 1906 года умирает от туберкулеза ее старшая сестра – Инна. В грязелечебницу доктора Шмидта в 1907 году Аню Горенко привозят лечиться от первых признаков той же болезни [11, с. 48]. В стихотворении «Как невеста, получаю...», написанном в октябре 1915 года в туберкулезном санатории близ Хельсинки, читаем:

*Я гощу у смерти белой,
По дороге в тьму.*

[1, т. 1, с. 245].

«Белая» смерть – это о финских снегах (для октября вроде бы рановато) или о нездоровой белизне кожных покровов больного? Или о саване?

Может быть, в этом причина того, что А.А. Ахматова с готовностью подчеркивает «смуглое» в дорогих и близких ей людях и предметах: смуглый оттенок лица А.С. Пушкина и татарской женщины, смуглое в облике своей музы, смуглые главы Херсонесского храма. «Смуглый» у Анны Андреевны – это цвет желанного, мечтаемого, но не достижимого. Поэтому в детстве она дни напролет проводит на пляже и в море, стараясь обрести заветную смуглость в собственном облике.

Приложение.

Предлагаемый вариант комментария к «херсонесскому» фрагменту стихотворения А.А. Ахматовой:***Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца <...>.***

Речь идет о дачном поселке, построенном владельцем имения «Отрада» Н. И. Туром недалеко от Стрелецкой бухты. В этом поселке семья Горенко снимала домик каждое лето с 1896 по 1903 год. Установить точное местоположение дачного домика и выяснить, не меняла ли семья свой летний адрес на протяжении всех восьми лет, пока не представляется возможным. Так как дача располагалась на возвышенном месте, «с крыльца» ее было хорошо видно Херсонес и, в частности, Свято-Владимирский собор. Купол собора и двухъярусные крыши имели цинково-свинцовое покрытие. Это и породило поэтический образ «смуглых глав» Херсонесского храма. Как известно, сама А.А. Ахматова называла Херсонес «главным» для нее «местом в мире».

II.

***<...> И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.***

Эти две последние строки из стихотворения, входящего в «крымский цикл» А.А. Ахматовой, обнаруживают новые загадки (с точки зрения глубинной поэтики) и новые неясности (с точки зрения реального комментирования).

Начнём с реалий. Будем, однако, помнить, что у Анны Андреевны реалии имеют обыкновение мгновенно перетекать в поэтические образы и символы.

Трижды А.А. Ахматова вспомнит своё «главное место в мире» – Херсонес, античный город-полис, в 2013 году внесённый в список памятников Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО [1, т. 5, с. 215; там же, с. 236; там же, с. 693]. Воля автора (а тем паче, поэта) вспоминать так, как ей вспоминалось почти шестьдесят лет спустя. Долг исследователей – проверять высказывания не только коллег, но и исследуемых авторов. Что же показывает такая проверка?

«Главное место в мире» отразилось в стихах нашего поэта более чем скромно. Спешим оговориться: в виду имеется не весь комплекс севастопольских окраин в районе между бухтой Стрелецкой и бухтой Песчаной, а именно античный Херсонес. В поэме «У самого моря» будут и белые, крутые, известняковые херсонесские берега, и плоский камень, на котором отдыхала «дикая девочка», девочка-русалка Аня Горенко, и золотые херсонесские пляжи, и мысы, и многое иное. Потом эти реалии, уже в другом, зрелом и горьком контексте, воскреснут в поэме «Путём вся земля».

Всё так. Но реалии эти – не детали собственно античного Херсонеса. А ведь к

1890-м годам раскопки древнего эллинского города, начавшего свое существование в VI веке до н. э. и ставшего «малыми Афинами» Северного Причерноморья, уже открыли многое и поражали многих [9]. Причем поражал этот город, вышедший из-под земли, не только профессионалов – археологов, историков, филологов-эллинистов. Посмотреть на него приезжали любители старины, путешественники, люди культуры. К таковым, несомненно, принадлежала и семья Горенко, несмотря на нефилологическую профессию отца.

Да, родилась Аня Горенко в Одессе на Большом Фонтане (тоже, кстати, прелюбопытнейшем одесском пригороде). Но именно в Херсонесе родные поведут дочь при полном параде дарить музею найденный ею кусок мрамора с греческой надписью [11, с. 32].

Да, в силу сложных семейных обстоятельств мать Анны Андреевны с дочерьми и сыном вынуждена была переехать в Евпаторию. Однако и Евпатория ахматовского отрочества была на редкость колоритным, исторически богатым, многоверческим и многонациональным городом. И гимназистка Аня Горенко – не старшеклассники Бориса Балтера: евпаторийские «мальчики», которых запомнил в пору «оттепели» весь читающий Советский Союз. Автор повести – знал, они – как бы и не знали ничего ни про Джума-Джами, соборную мечеть выдающегося турецкого архитектора Синана, ни про уникальный монастырь дервишей, ни про духовный центр караимов – не менее уникальные евпаторийские кенасы.

Положим, воспоминания Б.И. Балтера могла ограничивать цензура. Но какая цензура мешала А.А. Ахматовой вспомнить Уваровскую базилику? Античную купальню с её изысканной мозаикой? Высеченную на мраморе гражданскую присягу херсонеситов? Уникальный театр IV–III веков до н. э.? И т. д., и т. п.

Вероятнее другое. Личный «херсонесский миф» (сперва «дикой девочки», потом «последней херсонесидки») значил для поэтического мышления А.А. Ахматовой больше, чем реалии исторического Херсонеса. Заметим: реалии исторического Бахчисарая (как древнего, так и 1916 года) тоже заслонены в её стихотворении «Вновь подарен мне дремотой...» личным «бахчисарайским мифом» о «золотом» – но вневременном! – Бахчисарае, месте действия их с Н.В. Недоброво лирического сюжета.

Реалии, мы видим, действительно перетекают в творческом сознании поэта в символы, а из символов ткуются личные мифы.

Остается еще одна загадка – или тайна – ахматовского херсонесского стихотворения: его последние две строки. Точнее даже – полторы.

Анне Андреевне в ту пору исполнилось 23 года. Для самой популярной женщины-поэта Серебряного века это возраст немалый. Но вдумаясь: а «знает» ли она не только в 1903-м, а и даже в 1912-м году, как «от счастья и славы безнадежно дряхлеют сердца»?

Вряд ли. И о «счастье», и о «славе» А.А. Ахматова будет думать, – и очень пристрасно думать, – еще долго, по сути, до конца своих дней (см. пророческую строку 1912 года: «Умирая, томлюсь о бессмертии...»). Об этом же свидетельствует и её обида на современников, русских эмигрантов, словно бы заперших

её в 1910-х – начале 1920-х годов и забывших о ней последующей: пишущей, страдающей, но и мужающей. В том же ряду стоит и внимание А.А. Ахматовой к её зарубежным исследователям, их публикациям 1960-х, и оживленная реакция на литературную премию «Этна-Таормина», и разговоры с друзьями о возможной «Нобелевке» и др. Понять Анну Андреевну можно. Испить к двадцати годам полную чашу той самой славы, а потом на тридцать с лишним лет погрузиться в изоляцию, известность в узком – очень узком – кругу, – испытание и впрямь не из легких. Для нашей темы, однако, важно иное. «Красавица тринадцатого года», А.А. Ахматова свою тогдашнюю славу с сердечным одряхлением не связывала.

То же можно сказать и о «счастье». А.А. Ахматова 1912-го года – автор первой книги стихов «Вечер», к которой «критика отнеслась благосклонно» [2, т. 2, с. 237]. Она уже два года замужем за знаменитым Н.С. Гумилевым. У них родился сын Лев. Каждый год А.А. Ахматова в Европе – в окружении незаурядных людей и больших культурных событий (например, «первые триумфы русского балета» в Париже [там же]). Она вся в водовороте страстей, ухаживаний, романов.

Снова оговоримся: речь идет не о пошлой «фам фаталь», модном женском типаже Серебряного века, так остро спародированном А.Н. Толстым в «Сестрах». Граф Толстой, вернувшись из эмиграции в СССР, поторопился разделаться со знаковыми фигурами этого века, его самого в знаковую фигуру не выбравшего. Так, толстовский поэт Бессонов – доказанная пародия на А.А. Блока. В таком случае почему не предположить, что бессоновская курортная (крымская!) пассива, актриса (т. е. женщина артистичная), худая, со змеиной пластикой, – не есть скрытая пародия на А.А. Ахматову? Как-никак, в глазах широкой публики оба поэта были символом и легендой Серебряного века: Он – как его идеальный мужчина, Она – как его идеальная женщина. Так что для массового мифосознания «роман» между ними подразумевался сам собой.

Но занимают нас сейчас не эти мифы и не эти пародии, а факт: поэзия и личная биография А.А. Ахматовой, бесконечно от них далекая, все же их питала. Страстная натура поэта не могла не тянуться к счастью. Их взаимоотношения с Борисом фон Анрепом (1913–1917) – тому доказательство.

Итак, А.А. Ахматова 1912-го года не ощущает себя ни дряхлеющей сердцем, ни равнодушной к счастью и славе. Откуда же появились в финале стихотворения эти строки? Кто их произносит?

Прежде ответа (в свою очередь, требующего дальнейшей проверки) обратим внимание на ахматовский глагол в строках предыдущих: «Всё глядеть бы на смуглые главы / Херсонесского храма...». «Глядеть» означает совсем не то же, что «поглядеть». Попробуем заменить этот глагол: «Поглядеть бы на смуглые главы...» Тогда смысл финального четверостишия примерно таков: приехать еще раз в памятные места отрочества, повидать их – и с болью ощутить то, чего героиня-подросток еще не знала: цену своей будущей взрослой славы и счастья. Теперь (т. е. в 1912 году) она это уже знает.

Но ведь именно этого-то она и не знает!

Второй важный оттенок значения у глагола «глядеть» – его длительность. «Глядеть» долго может, конечно, означать и «любоваться», – но только не в ах-

матовском поэтическом мире. В нем множество пейзажей, они есть почти в каждой её лирической миниатюре. Нет – созерцательного, внедиалогичного любования: ни природой естественной, ни пейзажами урбанистическими.

О диалогизме (или полилогизме) ахматовской лирики, ее особой сюжетности написаны тома научных работ. Кажется, однако, никто из ахматоведов не сфокусировал внимания на том, что диалог – это разговор двух сторон (а не монолог в присутствии другого). И сюжет – это события, по-разному значимые для разных героев (а не для одного лишь субъекта действия, для кого все другие суть только объекты).

Если героиня глядит на «смуглые главы» Херсонесского храма, то ведь и главы эти тоже на нее глядят? Если она ведет с ними свой мысленный диалог (вся предшествующая часть стихотворения и представляет собою такой диалог), то ведь и «смуглые главы» ведут его с героиней? Тогда позволительно предположить, что заключительные полторы строки и есть их ответ ей – ответ на годы и десятилетия вперед. Она может этого не знать – это знают они.

Подобная гипотеза бросает новый свет и на те наблюдения, которые делались нами раньше. Оказывается, недаром «смуглые» у А.А. Ахматовой и купола Херсонесского храма, и бахчисарайская осень, принеся красные листья в подоле, и муза, пришедшая к поэту по горной дороге (т. е. с некоей высоты). Все они – действующие лица (а не «фон»); все имеют свою, более высокую точку обзора, свой голос в диалоге с поэтом.

Скажем, осень не просто усыпает листьями ступени, «где прощались» героиня с героем. Этот жест – тоже реплика, притом реплика со многими значениями. Цветами усыпают дорогу жениху и невесте при венчании. Сухие осенние листья – своеобразный антипод венчального обряда. Усыпают цветами и погребальное шествие. Но яркий, «страстный» красный цвет опровергает и это истолкование как единственно возможное, не отменяя терпкого погребального привкуса, вносимого им в ситуацию прощания. «Принести в подоле» – народный фразеологизм; он значит «родить ребенка на стороне, вне законного брака». Однако осень приносит героям не живого ребенка, плод любви, а мёртвые листья, плод встречи «на стороне». (Вспомним: А.А. Ахматова к моменту этой встречи разошлась, но не «развенчалась» с находящимся на войне Н.С. Гумилевым, а Н.В. Недоброво ждет в Алуште красавица-жена, самоотверженно ухаживающая за больным мужем).

Тот же вывод применим и к «смуглой» Музе. Её смуглоту также можно трактовать как цвет-реалию (крымскую? итальянскую?). Вместе с тем, смуглая Муза, которая будет опять и опять приходить к нашему поэту, окажется не той, что «диктовала» Данте страницы «Чистилища» или страницы «Рая». Диктовала она, согласно А.А. Ахматовой, страницы «Ада». От этого двустрочия тоже разойдутся отражения далеко вперед – до «Реквиема», с его застенками, и «Поэмы без героя», с ее дьявольским карнавалом. И вновь об этом будущем еще не догадывается крымская А.А. Ахматова, но уже ведают ее «смуглая» собеседница и «смуглые главы» Херсонесского храма...

Заключение к теме «Ахматова и Крым» дописать (как мы убедились) пока невозможно: работы здесь хватит надолго. Можно, на наш взгляд, уже сегодня

констатировать: в судьбе А.А. Ахматовой Крым сыграл роль, подобную его роли в судьбе Пушкина. Многоголосый, поликультурный, насквозь «диалогичный» и метафизичный, Крым как бы зарядил этими свойствами всех великих художников, попавших в его силовое поле.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахматова А. А. Собрание сочинений : в 6 т. / А. А. Ахматова. – М. : Эллис Лак, 1998–2002. – Т. 7 (дополнительный). – 2004.
2. Ахматова А. А. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы / А. А. Ахматова. – М. : Худ. лит., 1986. – 510 с.
3. Ахматова А. А. Сочинения : в 2 т. Т. 2 / А. А. Ахматова. – М. : Правда, 1990. – 432 с.
4. Ахматова А. А. Победа над судьбой : в 2 т. / А. А. Ахматова. – М. : Русский путь, 2005.
5. Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы / А. А. Ахматова ; сост., подготовка текста и примечания В. М. Жирмунского. – Издание 2-е. – Ленинград : Сов. писатель, 1977. – 221 с. – (Библиотека поэта. Большая серия).
6. Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. / А. А. Блок. – М. ; Л. : ГИХЛ, 1960–1963.
7. Горелов В. Н. Херсонес Анны Ахматовой / В. Н. Горелов // Литературная газета + Курьер культуры: Крым-Севастополь: Региональное обозрение. – 2008. – 26 сент. – 10 окт., № 18 (23). – С. 2.
8. Золотарев М. И. Херсонесские святыни / М. И. Золотарев; В. В. Хапаев. – Севастополь : Фуджи-Крым, 2002.
9. Реальный словарь классических древностей по Любкеру / под ред. Ф. Гельбке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского и др. – СПб. : Издание Общества классической филологии и педагогики, 1885. – 1552 с.
10. Севастополь : энциклопедический справочник. – Издание 2-е, допол. и испр. – Севастополь : Салта ЛТД, 2008.
11. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889–1966 / В. А. Черных. – Издание 2-е, испр. и допол. – М. : Индрик, 2008.

ВЛАДИМИР КАЗАРИН, МАРИНА НОВИКОВА

СТИХОТВОРЕНИЕ А.А. АХМАТОВОЙ «ВИЖУ ВЫЦВЕТШИЙ ФЛАГ НАД ТАМОЖНЕЙ...»
(Опыты реального комментария)

В статье выявляются реальные источники поэтического образа Херсонесского храма и его окрестностей, а также предлагается новое прочтение финала стихотворения А.А. Ахматовой 1912 года. Используются методы биографического, реального комментирования и глубинного поэтологического анализа.

Ключевые слова: поэтический образ, метод, реальное комментирование, поэтологический анализ.

VLADIMIR KAZARIN, MARINA NOVIKOVA

THE POEM OF ANNA AKHMATOVA «VIZHY VUTSVETSHUY FLAG NAD TAMOZHNEY...» («I SEE THE FADED FLAG ABOVE THE CUSTOMHOUSE...») (Experiments of real commenting)

The article deals with the real sources of the poetic image of Chersonesos temple and its surroundings and the new interpretations of the final of the Anna Akhmatova's poem of 1912 are proposed. The biographical method, real commenting and deep poetological analysis are used in the article.

Key words: poetic image, method, real commenting, poetological analysis.

Одержано 18.06.2014 р.